

Интернет-журнал «Мир науки» / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2018, №1, Том 6 / 2018, No 1, Vol 6 <https://mir-nauki.com/issue-1-2018.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN118.pdf>

Статья поступила в редакцию 07.02.2018; опубликована 02.04.2018

Ссылка для цитирования этой статьи:

Букова Д.В. Структура и содержание культурно-исторического хронотопа самосознания современных представителей немцев Поволжья // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №1, <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN118.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bukova D.V. (2018). Structure and contents of cultural and historical self-awareness chronotope of contemporary representatives of Volga Germans. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 1(6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN118.pdf> (in Russian)

УДК 159.95

Букова Даниэля Викторовна

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

Волгоградский институт управления (филиал), Волгоград, Россия

Аспирант

E-mail: danielya@mail.ru

Строение и содержание культурно-исторического хронотопа самосознания современных представителей немцев Поволжья

Аннотация. В статье обосновывается исследовательский потенциал концепта хронотопа субъективной реальности. В тексте представлены этапы и результаты эмпирического исследования этнического самосознания, продолжающего ранее проведенное исследование с применением нарративного подхода. Задача представляемого в статье этапа исследования состояла в установлении субъективно значимых событий культурно-исторического контекста, в выявлении основных тем обсуждения, актуальных для потомков поволжских немцев в интернет-пространстве путем тематического анализа контента интернет-блогов и текстов средств массовой информации и разработке на основании полученных данных авторской методики экспликации хронотопа субъективной реальности. В исследовании приняли участие современные представители немцев Поволжья, материалы сравнивались с данными, полученными при работе с респондентами, представляющими титульный этнос, – с русскими. Использованный исследовательский прием экспликации-реконструкции этнокультурного хронотопа был назван культурной провокацией, он построен на выполнении заданий по пространственно-временному структурированию большого числа вербально представленных значений. Используемые слова-стимулы обозначают как исторические события и этнокультурные предметы, так и образы массовой культуры, и предметы обихода. Список слов-стимулов задан в алфавитном порядке и пронумерован. Эти номера респонденты располагали на бланке формата А4 с координатными осями «прошлое – будущее» и «чужое – мое-свое». Тем самым в границах координатной сетки складывалась композиция значений, которая оценивалась по их разбросу или концентрации, по их распределению по квадрантам, по их собранности в центре композиции как показателю актуальной близости респонденту и представленности в его субъективной реальности. И главное – по преобладающему контексту значений отобранных слов-стимулов, а также по отнесению их к позитивному или негативному полюсу в субъективном отношении к ним. В завершение приводится соотнесение

этнохронотопов двух групп респондентов посредством t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Ключевые слова: субъективная реальность; этноидентичность; хронотоп; этнохронотоп; поволжские немцы; тематический анализ; культурная провокация; слово-стимул; мое-будущее; мое-прошлое; чужое-будущее; чужое-прошлое; t-критерий Стьюдента

В настоящее время, в эпоху глобализации, декларируемой межэтнической и межконфессиональной толерантности, распространения идолов общества потребления актуальной становится проблема обретения и сохранения человеком своей уникальной идентичности. Для решения этой психологической задачи можно ориентироваться на несколько способов, в частности, на поиск и построение причудливо-экзотической индивидуальности, что характерно для представителей субкультур [5], или, напротив, на реконструкцию в своей субъективной реальности родовой этнической основы [11]. Второй способ, ориентированный на обретение этноидентичности, сегодня все чаще оказывается предметом изучения в этнопсихологии, в социальной психологии, в психологии личности и даже в психотерапии. Объектом нашего исследования стало содержание субъективной реальности (биографической и родовой памяти и самосознания) представителей двух социально-этнических групп: русских и потомков поволжских немцев. Говоря о социально-этнических группах, мы хотим подчеркнуть одну из особенностей наших респондентов: будучи людьми социализированными (асоциальных персон среди них не было, равно как и людей, с проявлениями эскапизма), они не всегда обращены к своим этнокультурным корням. Но пребывают они в социальных группах, объективно имеющих этнический маркер в открытой или латентной форме.

Субъективная реальность человека и ее этнокультурные опосредствования – средства ее построения и сохранения – оформляются в виде границ и структур пространственно-временного континуума, вмещающего образы значимых людей, природных и цивилизационных ландшафтов, событий и пр. Формой этого континуума становится хронотоп субъективной реальности [1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 15, 16]. Хронотоп субъективной реальности человека в его этнопсихологической проекции – предмет нашего исследования.

В последнее время к исследованию этого предмета обращено внимание ряда психологов, концептуальные подходы и методические приемы которых нам представляются достаточно эффективными и близкими нам по своей сути. В первую очередь это относится к исследованиям К.В. Мартиросян [4, 6, 7] и А.Ю. Хачатрян [14], выполненным под руководством А.М. Медведева [8]. Опираясь на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, его идею культурного опосредствования высших психических функций и сознания человека в целом, А.М. Медведев и К.В. Мартиросян определили субъективный хронотоп следующим образом: «Он (субъективный хронотоп – Д.Б.) предпослан индивиду в формах исторического времени и территории жизни этноса – хронотопа Родины, – а также в форме пространства дома, ритма и уклада домашней жизни, биографий родственников и истории жизни семьи – хронотопа рода» [6]. Исходя из этого понимания, авторы ввели понятие субъективного этнохронотопа. Этнохронотоп – это та область субъективной реальности человека, в которой представлена жизнь его предков, его народа и его рода, исторические события в их переплетении с жизнью прадедов, дедов и родителей, топология мест, с которыми ассоциируются важные события истории и жизни рода, индивидуальной жизни человека. Эта область имеет свою особую метрику: образы людей, ландшафтов и событий располагаются на различной временной и пространственной дистанции от образа «актуального Я» носителя субъективной реальности и друг от друга, образуют относительно автономные друг от друга области.

В задачи представляемого здесь исследования входило:

- установление субъективно значимых событий культурно-исторического контекста, являющихся общими для респондентов каждой из групп: потомков поволжских немцев и представителей титульного этноса (русских);
- выявление основных тем обсуждения, актуальных для потомков поволжских немцев в интернет-пространстве путем тематического анализа контента интернет-блогов и текстов средств массовой информации для определения распространенных этноопределяющих концептов;
- разработка на основании полученных данных авторской методики с целью выявления характерных особенностей субъективных этнохронотопов потомков поволжских немцев;
- соотнесение этнохронотопов двух групп респондентов посредством t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Исследование проводилось в ноябре-декабре 2017 г. на территории Волгограда, Волгоградской, Саратовской и Астраханской областей. Участниками стали потомки поволжских немцев и представители титульного этноса (русские). Всего в исследовании приняли участие 100 человек.

Группу поволжских немцев составили 50 человек, из них 36 женщин и 14 мужчин в возрасте от 36 до 66 лет. Все они являются этническими поволжскими немцами (оба родителя или один из родителей, бабушка или дедушка респондентов поволжские немцы) и *считают себя поволжскими немцами*, т. е. соотносят себя с этим этнонимом.

Русскую группу респондентов составили также 50 человек, из них 36 женщин и 14 мужчин в возрасте от 36 до 66 лет. Все они являются этническими русскими (оба родителя или один из родителей, бабушка или дедушка респондентов русские) и *считают себя русскими*.

Проектирование методики: подготовительный этап

Во-первых, при подготовке методики и процедуры исследования были использованы полученные ранее (собранные в 2015-2017 гг.) автобиографические интервью респондентов, относящих себя к потомкам поволжских немцев (50 автобиографических нарративов), и русских респондентов (также 50 автобиографических нарративов). В ходе их анализа были установлены субъективно значимые события культурно-исторического контекста, являющиеся общими для респондентов каждой из этнических групп, так или иначе вплетенные в их личные жизненные истории. Такими событиями для группы поволжских немцев стали:

- основание колоний на берегу Волги немецкими колонистами, прибывшими в Россию по приглашению Екатерины II (1765 г.);
- ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья и тотальная депортация немцев из АССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г., «ссылка» и «трудармия» (трудовые отряды 1942-1956 годов, функционирующие в рамках системы принудительной трудовой повинности населения, призываемого в организованные по военному образцу трудовые организации);
- частичная реабилитация немцев Поволжья в 1956 г.;
- возможность вернуться в родные края в 70-х годах;

- переезд родных и близких на историческую родину, в Германию, в 90-х гг.;
- неудачные попытки восстановления государственного статуса автономного национального образования на территории Поволжья.

В автобиографических интервью респондентов, идентифицирующих себя с титульным этносом (русские), отмечены следующие пространственно-временные координаты:

- 1917 г, начало XX вв., артикулируемые как «революция» и «гражданская война»;
- период 1941-1945 гг., определяемый в речи респондентов как «война», «Великая отечественная»;
- «советское время»;
- «перестройка».

Установлено, что в автобиографических интервью поволжских немцев не представлены относительно спокойные исторические периоды, – актуализируются по преимуществу «трудность» и «боль». В автобиографических интервью респондентов, относящих себя к титульному этносу, представлены как относительно спокойные исторические периоды, так и «тяжелые времена», под которыми понимаются преимущественно «война» и «перестройка».

Таким образом, были определены основные культурно-исторические события жизни народов, в привязке к которым выстраиваются индивидуальные психологические хронотопы волгоградских поволжских немцев, и русских респондентов, что послужило отправной точкой и предметом уточнения-конкретизации дальнейшего исследования.

Во-вторых, в целях снижения влияния собственной пристрастности и субъективизма нами было предпринято исследование публичного пространства, в частности, анализ материалов публичных дискуссий в сети Интернет. Этому был посвящен второй этап исследования. На этом этапе применялся метод тематического анализа контента Интернет-блогов и текстов средств массовой информации. Были проанализированы темы крупного русскоязычного портала поволжских немцев «Geschichte der Wolgadeutschen», а также темы открытых и закрытых групп поволжских немцев, и темы, обсуждаемые в наиболее популярных у пользователей русскоязычного интернета социальных сетях: «Facebook», «Одноклассники», «ВКонтакте» (данные представлены по состоянию на декабрь 2017 г.).

Данные тематического анализа представлены в таблице 1. В нее включены наиболее популярные темы посетителей сайта «Geschichte der Wolgadeutschen».

Таблица 1

Тематическое распределение содержания форума «Geschichte der Wolgadeutschen»

ФОРУМ Geschichte der Wolgadeutschen. Дата обращения 05.12.2017	Темы в семантической группе	Сообщения, общее число
НАШ КРАЙ – НЕМЕЦКОЕ ПОВОЛЖЬЕ		
Страницы истории	64	3250
Краеведение. Различные вопросы краеведения. Немецкие колонии на Волге: краеведческий аспект.	33	2181
Картография и география немецкого Поволжья. Карты немецкого Поволжья географические, топографические, военно-топографические и пр.; планы отдельных немецких населенных пунктов; географическое положение населенных пунктов; топонимика; административно-территориальные преобразования в Немповолжье в 1764-1944 гг.	8	1483

ФОРУМ Geschichte der Wolgadeutschen. Дата обращения 05.12.2017	Темы в семантической группе	Сообщения, общее число
Наш край сегодня; Нынешнее состояние немецкого Поволжья; современные виды сёл, городов и разных местностей Немповолжья; восстановление исторических объектов – памятников немецкой культуры и архитектуры.	17	1612
РЕПРЕССИИ. РАСКУЛАЧИВАНИЕ. ДЕПОРТАЦИЯ И ТРУДАРМИЯ		
Депортация и трудармия: Вопросы, связанные с депортацией российских немцев в 1941 г.; трудармия и спецпоселения; книги памяти трудармейцев; поиск трудармейцев.	76	5023
Политические репрессии. Репрессии в отношении российских немцев в Российской империи и СССР (кроме депортации в 1941 г.).	30	658
Голод 1920-х и 1930-х годов. Голод в Республике немцев Поволжья в 1920-х и 1930-х гг.	6	171
Раскулачивание.	2	29
КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА		
Культура, традиции и обряды немцев Поволжья. Традиции и обряды поволжских немцев, вопросы религии и пр.	31	1186
Немецкие церкви в России. Вопросы религии российских немцев: история и современность. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории. Римско-католическая церковь в России.	15	464
Язык и диалекты немцев Поволжья.	14	776
Музеи: музеи разных стран мира, в которых имеются экспозиции, посвящённые российским немцам.	19	256
Книги & Массмедиа. Что и где почитать о немцах Поволжья: книги, средства массовой информации, библиотеки.	62	3759
ЖЗЛ: Жизнь Замечательных Людей – российских немцев.	86	1050
ГЕНЕАЛОГИЯ		
Поиск по фамилиям.	2056	9418
Поиск по немецкий населенным пунктам Поволжья.	3109	47510
Исследование родословных по другим регионам (кроме Поволжья).	347	9574

Темы на форуме были нами ранжирована по численной представленности, в результате чего они распределились следующим образом.

1-е место – вопросы генеалогии: поиск по немецким населенным пунктам Поволжья – 47510 сообщения; исследование родословных по другим регионам (кроме Поволжья) – 9574 сообщения; поиск по фамилиям – 9418 сообщений.

2-е место – вопросы, связанные с депортацией российских немцев в 1941 г.: трудармия и спецпоселения; книги памяти трудармейцев; поиск трудармейцев – 5023 сообщения.

3-е место – культура и литература (что и где читать о немцах Поволжья): книги, средства массовой информации, библиотеки – 3759 сообщений.

4-е место – страницы истории – 3250 сообщений: дети репрессированных; начало большой истории немцев в стране восточных славян России; граждане, внесшие значительный вклад в историю России; 20 век. Россия и российские немцы; немцы Герои Советского Союза; российские немцы и Первая Мировая война; дискуссия об идентичности российских немцев; трудовые подвиги Поволжских немцев и др.

5. место – краеведческие аспекты – 2181 сообщение: историко-географические названия немецкого Поволжья; старые фотографии и современные виды сёл, городов и разных местностей Немповолжья; информация по отдельным населенным пунктам немецкого Поволжья; карты немецкого Поволжья (географические, топографические, военно-

топографические и пр.); планы отдельных населённых пунктов Неповолжья и прочие вопросы краеведения.

Также были собраны темы, обсуждаемые в открытых и закрытых группах, посвященных поволжским немцам в социальных сетях «Facebook», «Одноклассники», «ВКонтакте». Основные обсуждаемые темы носят следующие названия: «Откуда ваши предки», «Культурное наследие» и «Воссоздание республики немцев Поволжья». Чаще всего обсуждаются генеалогия, проблема депортации и в целом история поволжских немцев. Наиболее обсуждаемые в публичном пространстве темы и события вошли в стимульный материал методики.

Методика исследования субъективного этнохронотопа

Нами был построен оригинальный вариант методического приема, называемого нашими коллегами [6, 14] «культурной провокацией» (наш вариант относится к тому же типу методик, который уже был ими апробирован, но построен он на ином стимульном материале и иначе организован). Суть приема состоит в том, что респондентам предлагается достаточно большой (более сотни) набор стимулов (картинок, символов, слов), которые нужно систематизировать и упорядочить. Какими обобщенными культурными средствами человек это делает, какими медиаторами он пользуется, какие стимулы он использует, а какие игнорирует, выступает для нас в качестве диагностического показателя.

Спроектированная нами методика построена следующим образом. Нами был подготовлен массив слов-стимулов (мы, в отличие от наших коллег, использовали не визуализацию образов, а вербальный материал), содержащих главным образом наименования событий культурно-исторического контекста, значимых персоналий и дат, почерпнутых из автобиографических нарративов респондентов (этот этап исследования и его результаты представлены в нашей предшествующей публикации [10]) и тем, поднимаемых в интернет-пространстве. В этот же общий массив входили обобщенные символы (религиозная символика, государственная символика России). Наряду с ними использовались и «этнически нейтральные» упоминания природных и урбанистических пейзажей, мировых брендов как символы глобализации мировой экономики, а также упоминания масс-медийных персонажей.

Массив содержал 122 слова-стимула. Значительная часть стимульного материала (около четверти) была ориентирована на респондентов из числа поволжских немцев: должна была быть им знакома, ими узнаваема. Каждый респондент получал список из 122-х слов-стимулов (таблица 2) и бланк с системой координат на разлинованном листе формата А4 (рисунок 1).

Таблица 2

Фрагмент списка слов-стимулов, используемых в методике

1. Адиас	20. Эпоха «застоя»: 1965-1982 гг.;
2. Александр III	21. Государство
3. Алтарь	22. Гражданская война
4. Америка	23. Дворец культуры
5. Андрей Малахов	24. Детство
6. Балка	25. Демократия
7. Баржа	26. Депортация (1941)
8. Брак/свадьба	27. Дефолт (1998)
9. Болезнь	28. Донос
10. Брежнев Л.И.	29. Железная дорога
11. Воссоздание республики	30. Европа
12. Волга	31. Екатерина II
13. Великая Отечественная война	32. 23 февраля
14. II Мировая Война	33. Ельцин Б.Н.

15. Выборы 16. 1242 г. 17. Германия 18. Горбачев М.С. 19. Город	34. Завод 35. Займище 36. Иван Грозный 37. Икона 38. Колхоз ... <...> _____ _____
---	---

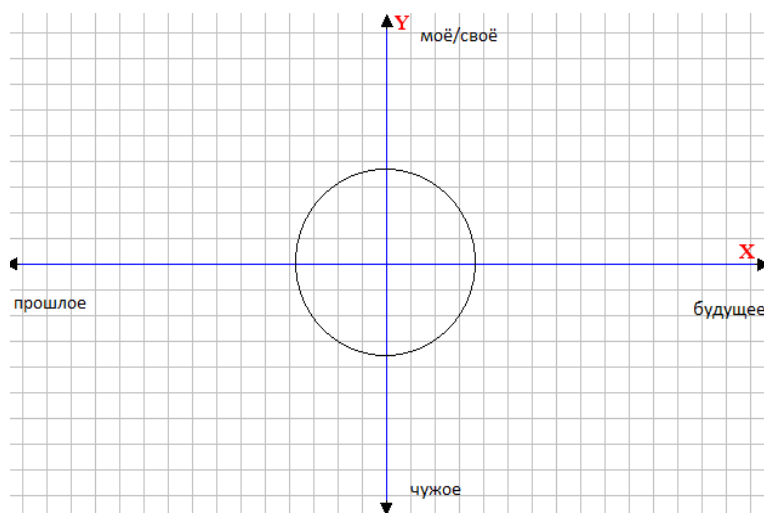

Рисунок 1. Бланк методики с хронотопной разметкой, обозначающей субъективную близость или удаленность стимулов и их расположение во временной перспективе и ретроспективе

Суть приема заключалась в следующем. Слова-стимулы репрезентировали множество культурно-исторических событий, образы политических деятелей, географических мест, но при этом не было задано, ни их смысловое значение и иерархия, ни их культурный контекст. Объединение этих образов-стимулов в нечто целостное, упорядоченно структурированное и осмысленное было задачей респондента, а отобранное содержание и форма его синтеза служили эмпирическими показателями для нас как исследователей. Примеры выполнения задания представлены на рисунках 2, 3, 4 и 5.

Участникам исследования предлагалась следующая инструкция: «Перед вами система координат с кругом посередине. У вас на столах список дат, имен и событий.

Шаг 1. Выберите из списка события, имена, даты и географические названия, которые кажутся Вам близкими и значимыми, и расположите их в системе координат, в которой ось «X» соответствует временному континууму: прошлому и будущему, с настоящим в точке «0». Ось «Y» – приближенность, либо удаленность от Вас лично событий, предметов, персон, их субъективную значимость: чем ближе к центру, тем ближе и важнее они для Вас лично.

В систему координат следует вписать **только номер** события, объекта, образа. Само событие (имя, дату, место) вписывать не нужно.

Например, Вам кажется важным торговый бренд «Адидас», потому что лично Вы предпочитаете эту марку одежды и обуви другим, носите это ежедневно и собираетесь носить в будущем. Следовательно, номер «1» Вы размещаете в правом верхнем квадранте, что соответствует координатам «мое-будущее». Или, например, эту марку когда-то предпочитали люди, встречи с которыми Вам были неприятны, а сам бренд у Вас ассоциируется с вульгарными манерами и грубым поведением. Тогда Вы можете разместить «1» в левом нижнем квадранте, что будет соответствовать координатам «чужое-прошлое». Если для Вас не

значим торговый бренд «Адидас», вычеркните его простым карандашом. По аналогии действуйте с событиями всего списка.

Таким образом, в верхней части рисунка окажутся события, имена и даты, важные лично для Вас, а в нижней части – значимые, о которых Вы знаете и которые Вы помните, но лично Вам не близкие.

Напоминаем, что в системе координат следует разместить только важные, на Ваш взгляд, события, все незначимые следует вычеркнуть (зачеркнуть простым карандашом) из списка.

Шаг 2. Допишите в оставшихся строках важные для Вас события (личного и культурно-исторического контекста), которых не оказалось в списке. Разместите их аналогично предыдущим, вписывая их номера в ячейки системы координат.

Шаг 3. Посмотрите на все события, которые Вы не вычеркнули. Те из них, которые кажутся Вам позитивными, подчеркните в списке красным маркером, те, которые вызывают негативные эмоции – черным. Нейтральные события не закрашивайте и не подчеркивайте».

Отметим, что в списке были дополнительно оставлены 20 незаполненных строчек. Таким образом, респонденту предоставлялась возможность добавить значимые для него события, которых не оказалось в списке.

В таблице 3 представлены количественные показатели наполненности каждого из квадрантов – среднее по всей выборке число стимулов, собранных в квадранте, а также среднее количество стимулов, выбранных для заполнения бланка в целом.

Таблица 3

Абсолютные средние значения наполненности квадрантов и бланка хронотопа в целом по всей выборке

Квадранты и область «настоящего»	Наполнение: среднее арифметическое по выборке
Мое-прошлое	12,5
Мое-будущее	8,0
Чужое-прошлое	10,5
Чужое-будущее	6,5
Настоящее	13,5
Итого:	51

Данные, собранные в таблице 3, показывают, что в среднем респонденты использовали при заполнении бланка около половины стимульного материала: 51 из 122 – 41,8 %. Распределение по областям представлено гистограммой на рисунке 2.

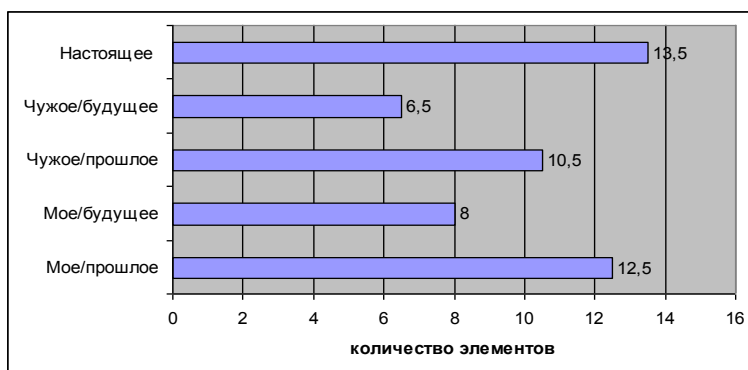

Рисунок 2. Распределение результатов по областям хронотопа

Наиболее распространенными из добавленных индивидуально значимых событий оказались «рождение детей», «путешествие в (местность)», «переезд».

Ниже представлены результаты подсчета позитивных и негативных выборов респондентов (таблица 4).

Таблица 4

**Процентное распределение позитивных
и негативных выборов респондентов (от общего количества выборов)**

Квадранты	Позитивные (кол-во элементов, %)	Негативные (кол-во элементов, %)
Мое-прошлое	32	19
Мое-будущее	43	7
Чужое-прошлое	34	31
Чужое-будущее	44	32
Настоящее	43	30

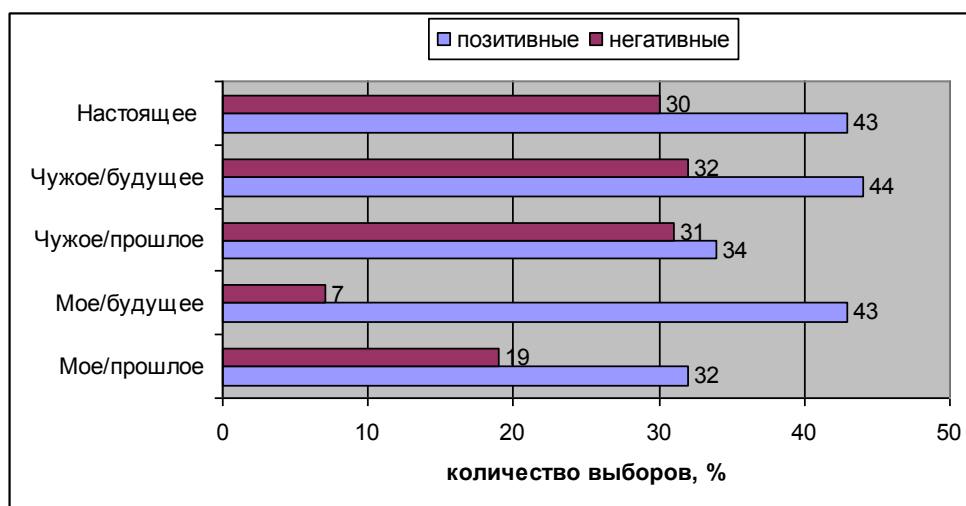

Рисунок 3. Распределение результатов по представленности позитивных и негативных слов-стимулов (в процентах)

Расчет количества позитивных и негативных выборов производился от общего количества выборов в данном квадранте, при этом учитывалось, что часть выборов респонденты не закрашивали, видимо, полагая их нейтральный характер.

Из таблицы 4 и рисунка 3 видно, что в целом по выборке позитивные выборы производились значительно чаще негативных. При этом негативные выборы почти не привносились в квадрант «мое-будущее» (их там оказалось 7 % от общего числа стимулов, помещенных в этот квадрант), в отличие от квадранта «чужое-будущее» (32 %).

Были обнаружены возрастные особенности строения хронотопов. Относительно молодые респонденты (в возрасте до 35-40 лет) все то, что соотносилось ими с категорией «мое/свое», располагали близко к центру, и соотношение «своего-прошлого» и «своего-будущего» у них было примерно сбалансировано (рисунок 4).

Было установлено, что респонденты в возрасте от 45 лет и старше размещают значительно больше элементов в квадрантах «мое-прошлое» и «чужое-прошлое» и почти не заполняют квадрант «чужое-будущее», а также крайне скудно заполняют квадрант «мое-будущее» (рисунок 5).

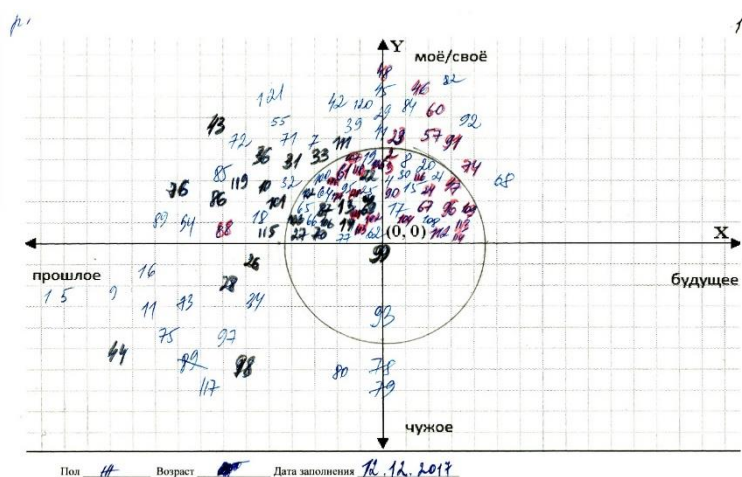

Рисунок 4. Бланк с относительно сбалансированным «своим» прошлым и будущим и незаполненным квадрантом «чужое-будущее». Возраст автора до 40 лет (сама автор предпочла его скрыть)

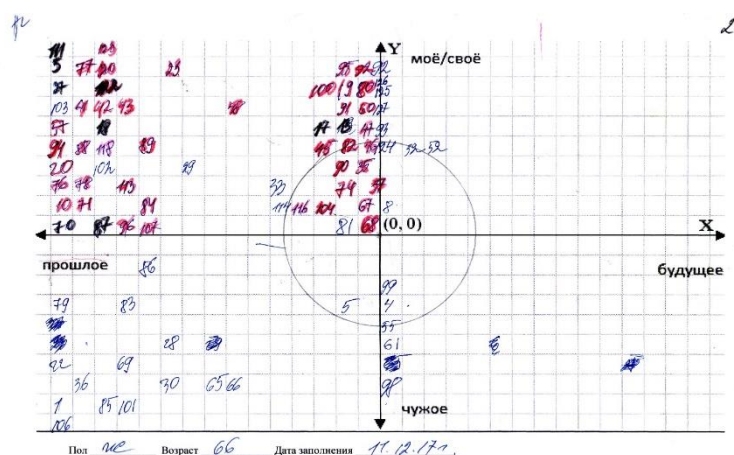

Рисунок 5. Преобладание стимулов в области «прошлое» у респондентки 66-летнего возраста

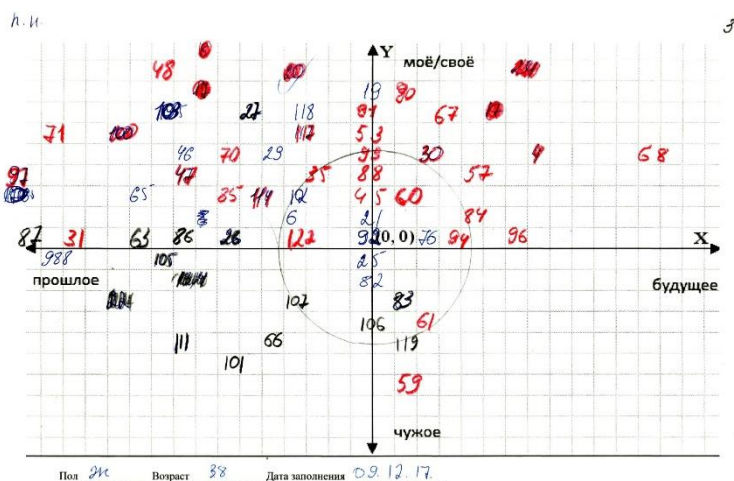

Рисунок 6. Хронотоп с контрастирующим противопоставлением негативного в квадранте «чужое-прошлое» и позитивного в квадранте «мое-будущее», представленный респонденткой из группы поволжских немцев

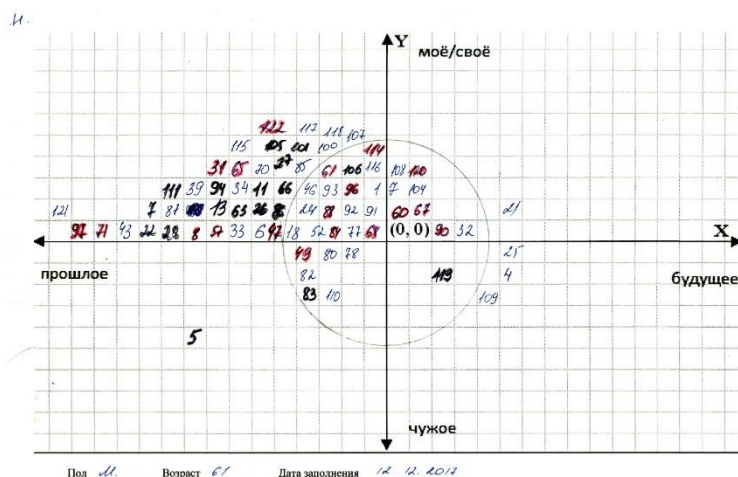

Рисунок 7. Акцентирование «своего-прошлого» в хронотопе 61-летнего респондента из группы поволжских немцев

При соотнесении результатов нами был произведен расчет t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Представим сводную таблицу статистически значимых различий между средними значениями по разработанной нами методике (таблица 5).

Таблица 5

Средние значения и значимость различий (t-критерий Стьюдента). Квадрант «мое-прошлое»

Показатели	Потомки поволжских немцев	Представители титульного этноса – русские	Уровень значимости по t-критерию Стьюдента
Географические местности, природные и урбанизированные ландшафты, объекты строительства, транспорт	8,05	5,40	$p < 0,01$
Культурно-исторические события, даты, явления	10,40	8,45	$p < 0,05$
Религиозные, праздники, обряды, ритуальные объекты	7,65	6,50	Не значимо
Политические деятели, политические события	6,30	7,85	Не значимо
Нейтральный материал: Вехи жизненного пути, светские праздники, бренды, масс-медийные фигуры и т. п.	7,70	9,10	Не значимо
Общее количество позитивных выборов	8,0	7,6	Не значимо
Общее количество негативных выборов	6,3	4,1	$p < 0,05$

Рисунок 8. Распределение средних значений по параметру «мое-прошлое» в двух группах

По параметру «Географические местности, природные и урбанизированные ландшафты, объекты строительства, транспорт» полученное эмпирическое значение t (3) находится в зоне значимости. Это свидетельствует о различиях в группах респондентов: так, опрошенные

потомки поволжских немцев значительно чаще выбирали и размещали в индивидуальных хронологических системах координат в квадранте «мое-прошлое» различные географические местности. Преимущественно, выбирались «Германия», «Россия», «Волга», «Сибирь», «Казахстан». У русских городских респондентов отмечена тенденция выбирать объекты урбанистических ландшафтов: магазин, дворец культуры, завод, офис.

По параметру «Культурно-исторические события, даты, явления» значение t (2.7) находится в зоне значимости, что свидетельствует о различиях в группах: респонденты, являющиеся потомками поволжских немцев, в целом размещают в квадранте «мое-прошлое» больше культурно-исторических событий, представленных в списке, чем русские респонденты.

Следует отметить, что и те, и другие посчитали значимой и близкой личность Петра I и личность Екатерины II. При этом респонденты группы поволжских немцев Екатерину II чаще размещали ближе к центру, то есть дистанция с этой персоной меньше, ее образ в большей мере приближен. Для обеих групп характерно «присваивать» события Великой Отечественной войны, размещая их в «своем прошлом».

По категории «Религиозные, праздники, обряды, ритуальные объекты» получен результат t (1,1), находится в зоне незначимости.

По категории «Политические деятели, события политической и общественной жизни» полученное значение t (1.3) также находится вне зоны значимости.

По параметру «Нейтральный материал: вехи жизненного пути, светские праздники, бренды, масс-медийные фигуры и т. п.» полученное значение t (0.8) находится вне зоны значимости. Респонденты обеих групп использовали нейтральный материал с одинаковой частотностью.

Ниже в таблице 6 представлены результаты сравнения этнических групп по параметру «мое-будущее».

Таблица 6

**Средние значения и значимость различий
(t -критерий Стьюдента). Квадрант «мое-будущее»**

Показатели	Потомки поволжских немцев	Представители титульного этноса – русские	Уровень значимости по t -критерию Стьюдента
Географические местности, природные и урбанизированные ландшафты, объекты строительства, транспорт	2,0	2,7	Не значимо
Культурно-исторические события, даты, явления	1,8	2,1	Не значимо
Религиозные, праздники, обряды, ритуальные объекты	2,4	1,8	$p < 0,05$
Политические деятели, политические события	0,8	1,2	Не значимо
Нейтральный материал: Вехи жизненного пути, светские праздники, бренды, масс-медийные фигуры и т. п.	1,2	2,5	$p < 0,05$
Количество позитивных выборов	1,5	2,2	$p < 0,05$
Количество негативных выборов	1,2	1,8	Не значимо

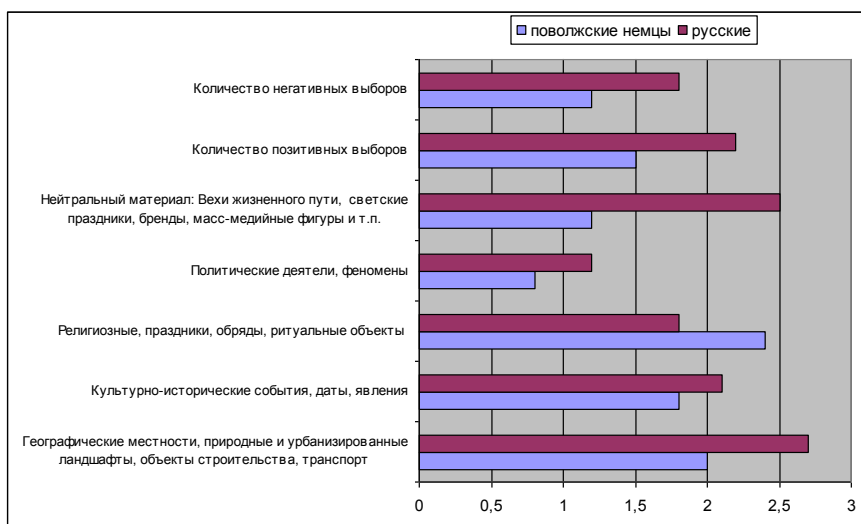

Рисунок 9. Распределение средних значений по параметру «мое-будущее» в двух группах

Статистически значимые различия между группами по заполнению квадранта «мое-будущее» выявлены по следующим параметрам (таблица 6).

«Религиозные, праздники, обряды, ритуальные объекты» эмпирическое значение t (2,8) находится в зоне значимости. Респонденты из числа поволжских немцев чаще помещают в квадрант «мое-будущее» события, связанные с грядущими религиозными праздниками и обрядами, чем русские респонденты. Здесь следует отметить, что по временной прямой такие события у респондентов этой группы более приближены к центру, к «своему-настоящему». У русских респондентов они отстоят дальше в будущем и вынесены за пределы круга.

Соотношение по параметру «Количество позитивных выборов» определяется значением t (2,3), т. е. находится в зоне значимости. Позитивные выборы преобладают у респондентов русской группы. Следует заметить, что опрошенные поволжские немцы в «будущее» относили преимущественно нейтральные выборы, предпочитая не давать им эмоциональную характеристику.

Остальные показатели находятся вне зоны значимости.

Ниже представлены результаты сравнения двух групп по параметру «чужое-прошлое» (таблица 7).

Таблица 7

Средние значения и значимость различий (t-критерий Стьюдента). Квадрант «чужое-прошлое»

Показатели	Потомки поволжских немцев	Представители титульного этноса – русские	Уровень значимости по t-критерию Стьюдента
Географические местности, природные и урбанизированные ландшафты, объекты строительства, транспорт	2,3	2,6	Не значимо
Культурно-исторические события, даты, явления	4,1	4,0	Не значимо
Религиозные, праздники, обряды, ритуальные объекты	2,2	1,8	Не значимо
Политические деятели, политические события	3,5	4,2	$p < 0,05$
Нейтральный материал: Вехи жизненного пути, светские праздники, бренды, масс-медийные фигуры и т. п.	1,1	1,3	Не значимо
Количество позитивных выборов	3,6	3,8	Не значимо
Количество негативных выборов	2,4	3,2	$p < 0,05$

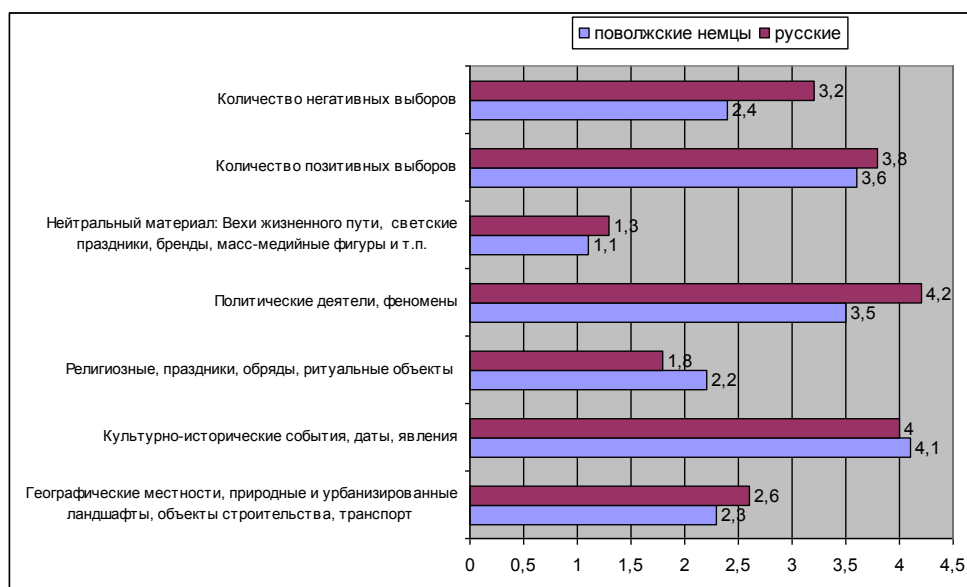

Рисунок 10. Распределение средних значений по параметру «чужое-прошлое» в двух группах

Статистически значимые различия между группами по заполнению квадранта «чужое-прошлое» (таблица 7) выявлены по следующим параметрам.

«Политические деятели, события политической и общественной жизни» эмпирическое значение t (2.4) находится в зоне значимости, что свидетельствует о выявленных значимых различиях. Так, в группе русских респондентов квадрант «чужое-прошлое» чаще заполнен стимульным материалом, содержащим имена политических деятелей, правителей и такие общественно-политические явления, как «капитализм», «фашизм», «терроризм». У немецких респондентов часть политических деятелей и явлений попадает в квадрант «мое-прошлое», остальная часть материала преимущественно остается не востребуемой.

При сравнении числа негативных выборов получено значение t (2.6) находящееся в зоне значимости: русские респонденты делают большее количество негативных выборов в квадранте «чужое-прошлое», чем поволжские немцы. Часть «отрицательных» исторических событий респонденты группы немцев Поволжья «присваивают» собственному прошлому, размещая данные события в левом верхнем квадранте. По остальным параметрам статистически значимых результатов не выявлено.

В результате проведения сравнительного анализа средних значений для двух групп по параметру «чужое-будущее» статистически значимых отличий между группами обнаружено не было. Этот квадрант по сравнению с другими можно считать «необитаемым»: часто он оставался вовсе пустым, а если заполнялся, то его содержание составляли менее десятка слов-стимулов. Поэтому мы не приводим далее соответствующую таблицу.

Следует отметить обнаруженные ограничения в применении разработанной процедуры. Так, нескольким респондентам старше 60 лет (4 человека) понадобилась помощь и дополнительные разъяснения относительно процедуры, в частности, порядка заполнения системы координат. Помощь оказывалась как в прочтении стимульного материала вслух (по причине слабого зрения респондентов, отсутствия очков для чтения при себе), так и при непосредственном заполнении бланка (респондент показывал, куда ставить цифру, вписывал ее в систему координат экспериментатор). Имели место 3 отказа от заполнения опросника ввиду его сложности у респондентов в возрасте более 60 лет, проживающих в сельской местности.

Большая же часть респондентов по мере выполнения задания демонстрировала возрастание энтузиазма и увлеченность процессом. После выполнения говорили о том, что задание оказалось познавательным и интересным и натолкнуло на размышления относительно отдельных культурно-исторических событий и истории народа, а также рефлексию своего отношения к ним.

Многие русские респонденты в процессе выполнения задания отмечали, что «не сильны в истории» и многие события и имена, представленные в стимульном материале, им не знакомы. Нейтральный материал такими респондентами использовался в большем объеме.

Как и ожидалось, выбирая исторические события из списка стимулов, потомки поволжских немцев не могли пропустить то, что относилось к истории депортации: события, географические местности, явления и персоналии, касающиеся депортации народа. Соответствующие стимулы вынесены либо на периферию, в «далекое прошлое» 24 % (12 человек), либо максимально приближены к «настоящему» 46 % (23 человека), что может свидетельствовать о высокой значимости этих травматических событий. Случаев исключения данного материала из хронотопической системы координат в группе поволжских немцев не выявлено, интенсивность использования материала и степень приближенности к центру композиции различна.

Достойным внимания кажется и тот факт, что события 1941 года обеими группами респондентов отмечены как негативные, только для русских респондентов такими событиями явились «Великая Отчественная Война», иногда – «Вторая Мировая Война», а для поволжских немцев эта дата отмечена как «репрессии», «депортация», «28 августа», «трудармия». Эти стимулы были вынесены в левый верхний квадрант, т. е., предположительно, они осмысливаются и переживаются как собственное прошлое, к тому же в ряде случаев достаточно близкое. У более чем половины русских респондентов события того же времени, отнесены к значимому, но «чуждому-прошлому», – помещены в левый нижний квадрант.

Стимульный материал, связанный с историей поволжских немцев, русским респондентами оказался не знаком и не был включен ими в хронотоп, несмотря на единство территории проживания – преимущественно бывшие немецкие колонии, сегодня поселения, где опрошенные нами потомки поволжских немцев и русские живут в близком соседстве.

Итог

Анализ данных по выборке в целом позволил установить следующее:

- респонденты в возрасте от 45 лет размещают значительно больше элементов в квадрантах «мое-прошлое» и «чужое-прошлое», почти не задействуют квадрант «чужое-будущее» и крайне скудно заполняют квадрант «мое-будущее»;
- с возрастом наблюдается тенденция к интенсивному наполнению своего «настоящего»: в круг «настоящего» помещается значительно больше элементов, чем в хронотопах респондентов более молодого возраста;
- в целом, позитивные выборы производились значительно чаще негативных; негативные выборы почти не привносились в квадрант «мое-будущее» (их всего 7 %), в отличие от квадранта «чужое-будущее» (32 %).

В результате расчета t-критерия Стьюдента для независимых выборок между группами поволжских немцев и русских респондентов были выявлены следующие значимые различия.

Квадрант «мое-прошлое»:

- потомки поволжских немцев значительно чаще выбирали и размещали в индивидуальных хромотопических системах координат в квадранте, соответствующем «моему прошлому», различные географические местности. Преимущественно, выбирались «Германия», «Россия», «Волга», «Сибирь», «Казахстан». У русских городских респондентов отмечена тенденция выбирать объекты урбанистических ландшафтов: магазин, дворец культуры, завод, офис;
- респонденты, являющиеся потомками поволжских немцев, размещали в квадранте «мое-прошлое» больше культурно-исторических событий, представленных в списке, чем русские респонденты;
- респонденты обеих групп одинаково часто использовали нейтральный материал.

Квадрант «мое-будущее»:

- респонденты группы поволжских немцев чаще помещали в квадрант «мое-будущее» события, связанные с религиозными праздниками и обрядами, чем русские респонденты;
- позитивные выборы преобладали у респондентов русской группы; поволжские немцы в «будущем» использовали преимущественно нейтральные выборы, предпочитая не давать им эмоциональную характеристику.

Квадрант «чужое-прошлое»:

- в группе русских респондентов квадрант «чужое-прошлое» оказывался чаще заполнен стимульным материалом, содержащим имена политических деятелей, правителей и такие общественно-политические явления как «капитализм», «фашизм», «терроризм». У немецких респондентов часть политических деятелей и явлений была помещена в квадрант «мое-прошлое», значительная часть материала политического содержания осталась невостребованной;
- русские респонденты делали больше негативных выборов в квадранте «чужое-прошлое», чем поволжские немцы. Как уже отмечалось, респонденты из группы немцев Поволжья часть негативно окрашенных исторических событий «присвоили» собственному прошлому, размещая соответствующие стимулы в левом верхнем квадранте.

Квадрант «чужое-будущее»

В результате проведения сравнительного анализа средних значений для двух групп в категории «чужое-будущее» статистически значимых отличий между группами обнаружено не было.

Таким образом, для субъективного этнопсихологического хромотопа поволжских немцев характерным является:

- включение в индивидуальный этнохромотоп большого количества культурно-исторических событий, их высокая приближенность к центру («Я» респондента), а также насыщенная эмоциональная окраска событий прошлого (как негативных, так и позитивных);
- включение в индивидуальные хромотопы географических местностей, связанных со значимыми трагическими событиями в жизни народа (мест спецпоселений и трудармии) и осмысляемых как «собственное прошлое»: «Германия», «Сибирь», «Казахстан». К «Германии» в «прошлом» в хромотопах респондентов представлено как позитивное, так и негативное отношение в зависимости от

отношения как к исторической родине, либо к стране-агрессору в период Великой Отечественной войны;

- интенсивное переживание событий военного периода. Отметим, что непосредственными свидетелями данных событий респонденты не являлись (опрошенные являются младшими членами семьи, рожденными позже, детьми, либо внуками участников событий). Однако в их субъективном этнопсихологическом хронотопе указанные события внесены в собственное прошлое, негативно окрашены и в ряде случаев максимально приближены (46 %), либо максимально удалены (24 %) от «настоящего» респондентов, что позволяет выдвинуть предположение о передаче травматического опыта от поколения к поколению. Мы полагаем, что знание и включение в личную, индивидуальную историю названных событий является своеобразным маркером, обуславливающим этническую идентичность и принадлежность к группе;
- включение в индивидуальные хронотопы религиозной символики, преимущественно в «настоящем» и «собственном будущем» времени, особенно значимых христианских праздников, что также может символизировать этническую принадлежность;
- отказ давать оценку событиям будущего, относя их к позитивному или негативному спектру, с невысоким превалированием последнего, что может свидетельствовать о неуверенности в будущем.

Проведенное исследование подтвердило дифференцирующие ресурсы методики культурной провокации, позволяющей получать различия, связанные с этнической и возрастной принадлежностью респондентов. Предполагается дальнейшая работа по выявлению ее разрешающих возможностей и возможностей алгоритмизации обработки данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Художественная литература», 1975. – 504 с.
2. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: «Сенсор», 2000. – 368 с.
3. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
4. Мартиросян К.В. Субъективная реальность хронотопа самосознания в его индивидуальной и этнокультурной проекциях: подход к исследованию // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 1. <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN117.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
5. Медведев А.М. Ценностно-смысловые ориентации представителей субкультуры ролевого движения: монография. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 172 с.
6. Медведев А.М., Мартиросян К.В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7, № 2 (2015) <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07PVN215.

7. Медведев А.М., Мартиросян К.В., Хачатрян А.Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 1 // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 4 <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
8. Медведев А.М. Смысловые динамические системы Л.С. Выготского, содержательно-рефлексивное мышление В.В. Давыдова, собранный субъект М.К. Мамардашвили и хронотоп А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина как концепты понимания человеческого сознания // Теория и практика культурно-исторической психологии: Материалы XVIII Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 13-17 ноября 2017 г. / Под ред. Г.Г. Кравцова: В 2 ч. Ч. 1. М.: С. 66-72.
9. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
10. Рахматулина Д.В. Субъективная реальность этно-исторической памяти как предмет психологического исследования // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, №2 <http://mir-nauki.com/PDF/10PSMN217.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
11. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2008, – 576 с.
12. Толстых Н.Н. Развитие индивидуального хронотопа в детстве и юности // Вопросы психологии. 2010. – № 2. – С. 30-45.
13. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. – Смоленск-Москва: Универсум, 2010. – 292 с.
14. Хачатрян А.Ю. Техника культурного опосредствования в исследовании пространственной составляющей этнохронотопа // Культурно-историческая психология: от научной революции к преобразованию социальных практик: Материалы XVII Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 14-19 ноября 2016 г. / Под ред. Г.Г. Кравцова: В 2 т. Т. 2. – М.: Левь, 2016. – С. 65-70.
15. Хронотоп // Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 722-723.
16. Ухтомский А.А. Доминанта. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://alterozoom.com/en/documents/26054.html>.

Bukova Danielya Viktorovna

The Russian presidential academy of national economy and public administration
Volgograd branch, Russia
E-mail: danielya@mail.ru

Structure and contents of cultural and historical self-awareness chronotope of contemporary representatives of Volga Germans

Abstract. The article presents a substantiation of the research capacity of subjective reality chronotope concept. The text presents the stages and results of empirical studies of ethnic awareness, which continue an earlier research conducted using narrative approach. The objective of the research stage presented in the article was to identify subjectively significant events of the historical and cultural context, to elicit major subjects of discussion in the Internet environment relevant to the descendants of Volga Germans by means of thematic analysis of Internet blogs and mass media texts and to develop the author's own methodology of subjective reality chronotope explication based on the data obtained. Present-day Volga Germans representatives took part in the study. The research material was compared with the data obtained when working with respondents representing the titular ethnic group – the Russians. The used ethnocultural chronotope explication-reconstruction research technique was called a cultural provocation; it is based on performing tasks in the space-temporal structuring of a great amount of concepts presented verbally. The stimulus words used denote historical events and ethnocultural objects as well as popular culture images and household items. The list of stimulus words was presented in the alphabetical order and numbered. These numbers were located by respondents on an A4 form with coordinate axes “Past – Future” and “other people's – mine”. Thereby a composition of concepts developed within the grid system. It was evaluated from the point of view of their dispersion or concentration as well as their distribution over the quadrants, of their concentration in the centre of the composition indicating actual closeness to the respondent and its representation in his or her subjective reality, and, most importantly, from the point of view of the prevailing context of notions of the selected stimulus words, as well as their assignment to positive or negative in the subjective attitude to them. In conclusion the correlation of the two respondent groups using the Student t-test is presented.

Keywords: subjective reality; ethnic identity; chronotope; etnochronotope; Volga Germans; thematic analysis; cultural provocation; stimulus word; mine/future; mine/past; other people's/future; other people's/past; Student t-test